

дерево *цаккумъ*, *Myrobolanus* древнихъ (*Elacagnus augustifolius* Линнея), плоды котораго, подобные маслинамъ, имѣютъ сочное, маслянистое, величиною въ грецкій орехъ, зерно, изъ котораго добывался елей или іерихонское масло,—и наконецъ *бальзамный кустъ* (*bosem* или *basam* Пѣснь Пѣсн. 5, 1. 13) ⁴⁾.—Палестина также была очень богата *виноградными* растеніями (*gerhen*), которыя, особенно въ Хевронской мѣстности, достигаютъ значительной, древообразной величины и приносятъ тяжелыя, въ 12 фунтовъ, кисти, (Суд. 14, 5; 3 Цар. 21, 1. П. Пѣсней 1, 14. Ис. 16, 8. Іер. 48, 32). изъ *фруктовыхъ*—*финовыми* и *гранатовыми* деревьями (*the'elah* *Urimon*), *фисташковыми* орѣхами (*batnim* Быт. 43, 11), *миндальными* деревьями и деревьями *грецкихъ ореховъ* (*luz*, *schaged* и *'egol* П. Пѣсн. 6, 11) ⁵⁾, въ особенности же *масличными* деревьями (*zaith*) и другими плодами и видами лѣса, годнаго къ употребленію, какъ напр., *дикими маслинами* (*hez schemen* α'γρίελαιος Римл. 11, 17. 24. *oleaster*), *тутовымъ* деревомъ (*schigma*, *схѣминос*, *схѣморос*), *тамарисками* (*'eschel* Быт. 21, 33. Сам. 22, 6), *теревинтоомъ* (*elah*) ⁶⁾, изъ ствола котораго чрезъ надрѣзы вытекаетъ чистый терпентинъ съ пріятнымъ запахомъ, въ родѣ лимоннаго или жасминнаго и пріятнымъ вкусомъ, мало по малу твердѣющій и обращающійся въ прозрачную камедь,—*дубами* (*alon*, *allah*), которыми особенно былъ богатъ Васанъ,—*каменными дубами* (*tirzah* Ис. 44, 14) и *пальмами*, именно около Іерихона,—между тѣмъ часто упоминаемые въ В. З. и служившіе для большихъ построекъ *кипарисъ* (*berosch*) и *кедръ* (*'erez*) растутъ только на Ливанѣ ⁷⁾.

⁴⁾ Великое плодородіе Палестины подтверждается также языческими писателями, не говоря уже объ Іосифѣ, который утверждаетъ это въ различныхъ мѣстахъ его сочиненій): Тацитомъ, который hist. V, 6 говоритъ объ Іудеѣ: «Über solum. Exuberant fruges nostrum ad

morem praeterque eas balsamum et palmae»; Иустинъ замѣчаетъ въ hist. 36, 2 объ Иерихонѣ: «non minor loci ejus ariditatis quam ubertatis admiratio est». Это плодородіе Палестины подтверждается еще Амміан. Маркелл. XIV, 8 и другими. Въ настоящее время страна, въ слѣдствіе проклятія, которымъ угрожалъ израильскому народу уже Моисей за его непокорность Іеговѣ, Втор. 25, 16, 23, 32, 29, 22, сильно опустошена, но и въ этомъ запустѣніи она представляетъ еще много слѣдовъ не малаго плодородія. Столь же вѣрно подтверждается В. Завѣтомъ, какъ и Іосифомъ, ея прежнее великое народонаселеніе. Слич. Раумера, Paläst. S. 80 ff.

2) По Пав. 13, 4. 5. Израиль долженъ былъ занять «всю землю хананеевъ и вертепы сидонянъ до Афека, всю землю Гевлитскую и весь Ливанъ къ восходу солнца (отъ Гевала т. е. Вבלуса) отъ Ваал-Гада, что у подошвы горы Ермона до страны Емавъ»; но этотъ планъ никогда не былъ выполненъ израильянами, потому что колено ассирово не могло изгнать жившихъ тамъ финикійцевъ (Суд. 1, 31), а позже Давидъ, который раздвинулъ предѣлы своего царства далеко на сѣверъ, заключилъ съ Тирскимъ царемъ дружественный союзъ, такъ что Израиль и не заботился болѣе о томъ, чтобы завладѣть этою областью.

3) Большою частію чрезъ фининіянъ, которые добывали ихъ частію изъ своихъ колоній, именно: серебро, желѣзо, олово и свинецъ изъ Тарсиса въ Испаніи, частію изъ Аравіи (золото изъ Офира, частію изъ земель Кавказскихъ и продавали Израильтянамъ за пшеницу, масло, бальзамъ, медъ и печенья. Іез. 27, 12, 13, 19. Іер. 10, 9.

4) Нужно ли разумѣть подъ *tzori* бальзамъ гилеадскій Іер. 8, 22. Быт. 37, 25, изъ плодовъ дерева цуккумъ, или бальзамъ изъ сока настоящаго бальзамнаго кустарника, — *orobalsamum* — это спорный вопросъ. Что бальзамный кустарникъ разводился въ садахъ Иерихонской окрестности, объ этомъ свидѣлствуютъ Страбонъ XVI, 763, и Діодоръ Сицилійскій II, 48. XIX, 98. Слич. также Іосиф. Ant. XIV, 4, 1. XV, 4, 2. bell. jud. I, 6, 6. И Плиніи — hist. nat. XII, 54 — замѣчаетъ: *Balsamum uni terrarum Iudeae concessum quondam in duobus tantum hortis, utroque regio... a Pompejo Magno in triumpho*

arbores quoque diximus. Servit nunc haec et tributa pendit cum sua gente etc. Сравни. Винара R. W. I. S. 131 ff.

⁵⁾ Оказывается, что Израэльтяне разводили яблоневыя и грушевыя деревья, хотя еще трудно опредѣлить, яблоко или айва разумеется подъ еврейскимъ словомъ תאנאחъ Іонл. 1, 12. Пѣс. Пѣсн. 2, 3. 8. 5, а слово bechanim 2 Цар. 5, 23. 1 Пар. 14, 15 по LXX и Вулг. anios, rugus, значить ли грушевое дерево или плакучую иву. Въ настоящее время въ садахъ Палестины есть не только яблоневыя и грушевыя деревья, но и абрикосовыя, апельсиновые и лимонныя. Слич. Робинс. Палест. 1, 353. 11, 416, 716 и 111, 293. Г. Г. фонъ-Шуберга. Reise in das Morgenl. 111. стр. 113.

⁶⁾ Въ долину Сумтъ, вѣроятно въ Теревиневой долину, гдѣ Давидъ боролся съ Голиафомъ (1 Сам. 17, 2). Робинсонъ нашелъ еще огромное фисташковое дерево Pistacia Terebinthus), далеко и широко раскидывающее свои вѣтви, какъ самый развѣсистый дубъ. Фисташковое дерево есть теревинѣ В. Зав.; оно не имѣетъ постоянной зелени; его маленькія, перистыя, ланцетообразныя листья осенью опадаютъ и весною опять возобновляются. Робинсонъ. Палестина 11, стр. 606 и 111, стр. 221.

⁷⁾ Новѣйшее описаніе находящагося на Ливанѣ кедроваго лѣса представляетъ Робинсонъ, neuere bibl. Forschungen in Paläst. S. 767 ff. Нѣкоторыя кипарисныя деревья видны теперь вмѣстѣ съ оливковыми и апельсиновыми, около мраморнаго водохранилища на Гарамѣ, т. е. мѣстѣ храма Іерусалимскаго. Слич. Робинс. Палестина 11, стр. 89. Относительно библейской ботаники вообще слич., кромѣ К. фонъ-Раумера Paläst. S. 83, еще Ол. Цельса Hiero botanicon. II Part. Upsal. 1743. Розенмиллера. Hdb. d. bibl. Alterthumskunde IV. I. (библейская естественная исторія) и Винара, Real Wört. въ отдѣльныхъ статьяхъ

§ 12. Животный міръ Палестины.

Животныя раздѣлялись (Лев. 14) на 4 класса: 1) животныхъ большихъ, живущихъ на сушѣ (beheima 'al haarez ст. 2),

2) водныхъ животныхъ (*shaia bamaim* ст. 9. 10), 3) птицъ (*ha'orh* ст. 13), 4) пресмыкающихся животныхъ (*scherez* ст. 20. 29. 41). Въ этихъ классахъ различались опять *чистыя*, т. е. употреблявшіяся въ пищу и *нечистыя*, мясо которыхъ не должно было ѣсть. Срав. Левит. 11 и Втор. 14, 1—20 ¹⁾. *Большія, живущія на сушѣ*, животныя раздѣляются въ В. 3. на *скотъ* (*beheema*), т. е. ручныхъ домашнихъ животныхъ и на животныхъ *полевыхъ* или дикихъ (*chajath haarez* Быт. 1, 25, *chajath hasade* Быт. 2, 20 или просто *hachaja* Быт. 7, 14. 21. 8, 1 и пр.). Изъ нихъ чистыми считались тѣ, которыя имѣютъ раздвояющіяся, т. е. совершенно разщепленныя копыта и отрыгаютъ жвачку; всѣ остальные, не имѣющіеся ни одного или только одного изъ этихъ признаковъ, не должны были употребляться въ пищу. Изъ ручныхъ домашнихъ животныхъ крупный и малый скотъ (*bagar veizon*), т. е. *волы* (*schor*) и *коровы, овцы и козы* составляли самое значительное имущественное достояніе Израильтянъ. Не только Галаадъ и Васанъ, выпрошенные въ собственность у Моисея богатыми стадами скота колѣнами Рувима и Гада (Числ. 32), но и заиорданская земля, или собственно ханаанъ, представляла не мало, очень удобныхъ для разведенія скота, пологь. Оттого израильтяне разводили очень много рогатаго скота: быковъ, воловъ и коровъ, и еще болѣе овецъ и козъ, такъ что не только не имѣли никогда недостатка въ молокѣ и мясѣ и ежегодно могли приносить въ жертву тысячи ягнятъ, овецъ, телятъ и воловъ, но также пользовались рогатымъ скотомъ при обработкѣ полей плугами и при молотьбѣ зерноваго хлѣба, равнымъ образомъ въ перевозкѣ колесницъ и перетаскиваніи груза (Пар. 12, 40). Кромѣ того израильтяне вели весьма значительную торговлю козами и овцами (Притч. 27, 26). Изъ козъ въ В. 3. различаются два вида *thaisch* или *'athud* и *sa'ir*, и еще теперь находятъ въ Сиріи, кромѣ обыкновенной европейской козы, такъ называемую Мамврійскую козу (отъ Мамре у Хеврона)

съ длинными висячими ушами, свѣтлоокрасной шерстью и маленькими рогами, дающую очень полезное для питанія молоко (Притч. 27, 26). А изъ овецъ израильтяне имѣли, кромѣ обыкновенной, еще овцу съ жирнымъ хвостомъ (*aljah*), обыкновенно упоминаемымъ между назначенными для жертвенника тучными частями (Лев. 3, 9. 7, 3).²⁾ Кромѣ того изъ нечистыхъ животныхъ къ этого рода собственности израильтянъ принадлежали *осель* и ослицы (*athon, chamor*), а также *верблюды* (*gama*), употреблявшіеся главнымъ образомъ для перерозки товаровъ, багажа и для ѣзды (Быт. 37, 25. 1 Пар. 12, 40. 27, 30).³⁾ Напротивъ того лошади, которыя упоминаются уже во времена Іакова (Быт. 47, 17. 50, 9) и у ханаанскихъ племенъ въ періодъ Іисуса-Навина и судей (Нав. 11, 4. Суд. 4, 3. 7), введены были въ употребленіе у израильтянъ только Давидомъ, который много добылъ ихъ въ числѣ добычи отъ арамеевъ (1 Сам. 8, 4) и Соломономъ, который даже велъ значительную коммерцію съ Египтомъ для покупки лошадей (1 Пар. 10, 28. 2 Пар. 1, 14); при позднѣйшихъ царяхъ іудейскихъ число лошадей и военной конницы восходитъ до большихъ цифръ (Ис. 2, 7). *Мулы* (*phered*) также встрѣчаются только при Давидѣ (2 Пар. 13, 29. 18, 9. 1 Пар. 12, 40). Раньше для верховой ѣзды употреблялся осель (Суд. 10, 4. 12, 14 и пр.), который также вирагался и въ плугъ (Втор. 22, 10) и употреблялся для приведенія въ движеніе мельничныхъ жернововъ (Матѳ. 18, 6. Лук. 17, 2). *Собака* — презрѣнное у израильтянъ, дикое и кровожадное животное (3 Пар. 14, 11. 16, 4. 4 Пар. 9, 33), въ позднѣйшее время въ нѣкоторомъ отношеніи считалось за домашнее животное (Тов. 5, 17. 11, 3. Матѳ. 15, 27). Напротивъ того, *свиней*, какъ нечистыхъ животныхъ, израильтяне совсѣмъ не держали⁴⁾

Изъ *полевыхъ животныхъ* чистою и употребительною для пищи дичью были: *олень* (*ajil Uajalah* или *ajeleth*, *лань* или самка оленя), *антилопы* или собственно газели (*jachmur*, *Antilope dor-*

cas, по Лютеру *козуля*) *каменный баранъ* (ja'el) и еще четыре вида газели: aggo, dischon, the'o и zemer (Втор. 14, 5), которыхъ нельзя опредѣлить съ точностію. Нечистыми были *заяцъ* (arnebeth), *прыпунъ*—*заяцъ* или горная мышь Ierboa (schaphan), а также всѣ дикія и хищныя животныя. Между послѣдними въ Палестинѣ находились: *вепрь* или дикая свинья (chazir mija'ar) упоминаемая въ Пс. 80, 14, какъ вредное для полей животное, еще теперь попадающаяся въ большомъ количествѣ въ іорданской долинѣ и въ мѣстности озера Меромъ; *волки* (ze'eb), *медведи* (dhob 2 Цар. 2, 34), *львы* (agi, arje и labi лъвица), нѣкогда выводившіеся въ Палестинѣ, въ особенности въ заросшихъ кустарникомъ берегахъ Іордана, (Суд. 14, 8. 1 Сам. 17, 34. 1 Цар. 13, 24. Іер. 49, 19. 50, 44. Зах. 11, 3), но теперь тамъ не существующіе; *пантера* или барсъ (pamer Іер. 11, 6 и пр.), еще теперь встрѣчающійся на Ливанѣ и въ срединныхъ горахъ Палестины; *щенны* (tza'ua' Іер. 12, 9), *лисицы* (schu'al), названныя въ книгѣ II. Пѣсней, какъ губители виноградниковъ (2, 15); и наконецъ *шакалы* (ijim), которыхъ кажется нужно разумѣть подъ лисицами Сампсона (Суд. 15, 4).

Изъ *водныхъ* животныхъ чистыми и годными для пищи признавались всѣ, которыя, живя въ озерахъ и ручьяхъ, имѣютъ плавательныя перья и чешую. Озеро Геннисаретское было очень богато рыбою, такъ что во время Іисуса Христа многіе сосѣдніе этому озеру жители жили рыбною ловлею (Іоан. 21, 11 ср. Матѣ. 4, 18. Марк. 1, 16; Лук. 5, 3). Но въ св. Писаніи нѣтъ названій для опредѣленныхъ видовъ рыбъ ⁵⁾.

Изъ *птицъ* Палестина имѣетъ много *голубей* (jonah), которые съ древнихъ временъ разводились въ голубятняхъ (Ис. 70, 8), и обыкновенно имѣютъ свѣтлосѣрыя перья съ желтоватыми перышками на шеѣ, при солнечномъ сіяніи дающими отливъ серебра и золота (Пс. 68, 14),—*дикихъ голубей* или лѣсныхъ (deror?), выющихъ гнѣзда въ ущельяхъ скалъ (Іер. 48, 28. Іезек.

7, 16), также *горлицъ* (thor), перелетныхъ птицъ Іер. 8, 7, но однакожъ приносившихся въ жертву вмѣсто домашнихъ голубей,—*куропатокъ* (gore 1 Сам. 26, 20. Іер. 17, 11), *журавлей* и *ласточекъ* (sis и 'agur Іер. 8, 7, упоминающихся какъ перелетныя птицы) и множество мелкихъ птицъ (tzippor). За то въ В. Зав. почти нѣтъ *куръ*, упоминаемыхъ только въ Новомъ Завѣтѣ (Матѣ. 23, 37. 26, 34. Лук. 13, 34. 22, 34 и пр.). Кромѣ того нечистыми птицами почитались многія хищныя птицы, какъ напр.: вороны, орлы, коршуны, соколы, ястребы, аисты, летучія мыши и др. перечисленныя Лев. 11, 12—19. Втор. 14, 12—17. ⁶).

Пресмыкающіяся животныя (scheretz) также раздѣляются на 4 разряда: 1) пресмыкающіяся *ходящія* по землѣ (schetz haschoretz 'al haaretz Левит. 11, 29), къ которымъ причисляются *ласица* (choled), *мышь*, *полевая мышь* (akbar ср. 1 Сам. 6, 5), многія *ящеровидныя* (Лев. 11, 29 и 30) ⁷); *лягушки* (tzeephadea') и *кроты* (chapharperoth Ис. 2, 30). 2) Животныя, *ползущія* на брюхѣ (holech 'al gashon Лев. 11, 42); къ нимъ относятся: *змѣи* (nachasch),—изъ которыхъ въ В. З. большею частію поименованы ядовитыя, между тѣмъ какъ тѣ змѣи, которыхъ видѣли въ Палестинѣ путешественники новаго времени,—не ядовиты ⁸),—и *черви* (gimtah вѣроятно общее опредѣленіе различныхъ гадкихъ ползучихъ животныхъ). 3) *крылатыя* пресмыкающіяся (schetz ha'orph Лев. 11, 20); сюда принадлежатъ: появляющаяся часто въ Палестинѣ, какъ бичъ страхи, *саранча*, четыре рода которой ha'argeh, hassol'am, hashargol и hechagab Лев. 11, 22 отмѣчаются какъ годныя для пищи,—*пчелы* (dhehora), которыми Палестина была очень богата, особенно дикими пчелами, устранивающимися и кладущими медъ въ дуплахъ деревьевъ, въ трещинахъ скалъ, пещерахъ, даже въ изсохшихъ трупахъ животныхъ (Суд. 14, 5);—*шершни* (tzir'a)—большой, чрезвычайно докучливый родъ осъ (Исх. 23, 28. Втор. 7, 20, Ис. 24, 12),—

мухи (zevub), между которыми маленькія черныя мухи часто появляются большими роями, заползаютъ людямъ и животнымъ въ ротъ и ноздри, и защититься отъ нихъ можно только дымомъ и огнемъ,— и *моль* ('asch и sas, σῆς). Наконецъ 4) *многоноги* животныя (col marbeh raglaim), изъ которыхъ случайно упоминаются *муравей* (nemala Притч. 6, 6), *паукъ* ('akkabisch Ис. 59, 5), *блоха* (par'osch 1 Сам. 26, 20), *скорпионъ* ('agrab Втор. 8, 15. σκorpionος. Лук. 10, 19), ужаленіе котораго производитъ воспаленіе; и теперь еще водятся скорпионы въ очень значительномъ количествѣ въ іорданской низменности ниже Іерихона. Упоминаются и другія мелкія насекомыя: личинка, гусеница, которыя вмѣстѣ обнимаются словомъ tholea', thole'ah или thola'ath (Исх. 16, 20. Вт. 28, 39), наконецъ *улитка* (schablul Псалм. 58, 9).— Напротивъ того, *обаярынь* (раковина), два вида которой находятся на Палестинскомъ берегу средиземнаго моря, нигдѣ въ св. Писаніи не говорится, хотя рѣчь о пурпурѣ ведется часто.

¹⁾ Главныя сочиненія по библейской зоологіи: Сам. Бохарта—Hierozoicon recens E. Fr. C. Rosenm. III tomi Lps. 1793 sgg. 4., Розенмиллера: Handbuch der bibl. Alterthumsk. IV, 2 (библейская зоологія) и Винера реальный лексиконъ въ отдѣльныхъ статьяхъ.

²⁾ О множествѣ содержавшагося израильтянами рогатаго и мелкаго скота можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ хозяйство Соломона ежегодно содержалось 3650 откормленныхъ и 7000 луговыхъ быковъ и 36,500 овецъ (1 Цар. 5, 2); богатый Наваль имѣлъ 3000 овецъ и 1000 козъ (1 Сам. 25, 2), при освященіи Соломонова храма было употреблено для благодарственной жертвы 22,000 быковъ и 120,000 овецъ (1 Цар. 8, 63); въ пасхальное торжество при Іосии было дано царемъ въ пасхальную жертву 30,000 ягнятъ и молодыхъ козъ и 3000 быковъ (2 Пар. 35, 7), а по Іосифу (de bell. Ind. VI, 9, 3) число пасхальныхъ агнцевъ простиралось ежегодно до 256,000 штукъ. Самыхъ сильныхъ и жирныхъ быковъ и коровъ

доставлялъ Васанъ (Ис. 22, 13. Амос. 4, 1). Въ настоящее время быки въ окрестности іерусалимской очень не взычны и малы, лучшіе попадаются при верховьяхъ Іордана и около Ғавора, а самые лучшіе въ восточно-іорданской землѣ между проходомъ Іакова и Дамаскомъ (Шубертъ, Reis. III стр. 114). Кромѣ того въ Галилеѣ особенно при озерѣ Меромъ, также въ полосѣ по берегу моря находятся буйволы, дикія, злокачественныя животныя, которыхъ вѣроятно нужно разумѣть подъ ге'емъ В. Зав. (Втор. 33, 17. Ис. 22, 22 и пр.). Это слово LXX перевели *μοσχέρως*, Лютеръ, единорогъ. Слич. Шуберта Reise стр. 117. Робинсона. Palest. III, стр. 563 и Винера R. W. I, стр. 309.

³⁾ Верблюды, составлявшіе богатство патриарховъ (Быт. 12, 16. 24, 10 и пр.), и у израильтянъ были дорогимъ имуществомъ, хотя кажется разводили ихъ только люди богатые, напр. царь Давидъ, 1 Пар. 27, 30. Впрочемъ въ Сиріи и Палестинѣ встрѣчаются верблюды только одnogорбые. Не безызвѣстны были израильтянамъ также слоны, для которыхъ еврейскій языкъ не имѣетъ никакого имени, хотя слоновый зубъ, слоновая кость *shep* и *shep habim*) уже при Соломонѣ является какъ продуктъ торговли 1 Цар. 10, 18. Въ первый разъ въ войнахъ съ Селевкидами іудеи показываютъ умѣнье обращаться съ этими животными. 1 Макк. 6, 35. 3 Макк. 5, 2.

⁴⁾ Въ Талмудѣ запрещается іудеямъ держать свиней въ своихъ стадахъ (слич. *Othonis lexic, gabbe phil.* p 530 sg); такимъ образомъ въ 8, 28 Мате., упоминаемая стада свиней принадлежали языческимъ жителямъ страны. Слич. Винера реальный лексиконъ II, стр. 437. замѣч. 2.

⁵⁾ Большая рыба, поглотившая пророка Іону (Іон. 2, 1), есть огромная акула, попадающаяся въ Средиземномъ морѣ, *canis carcharias*, или *Squamus carcharias*, Линнея, имѣющая такую огромную пасть, что можетъ легко проглотить всего человѣка. Слич. Винера, R. W. 1, S. 374 f.—Бегемотъ, поэтически изображенный у Іова 40, 15, есть живущая только въ Нилѣ и другихъ африканскихъ рѣкахъ и озерахъ рѣчная лошадь, *Hippopotamus*—гиппопотамъ.

⁶⁾ Болѣе о нечистыхъ птицахъ смотр. въ сочиненіи Соммера, bibl. Abhandlungen. част. 1, стр. 253.

⁷⁾ Различныя изъясненія см. у Соммера, стр. 261. Къ этому классу принадлежали и крокодилы, нападающіеся въ рѣкѣ около Кесаріи Палестинской (слич. Раумера, Paläst, стр. 93). Но въ В. Зав. упоминается только о египетскомъ крокодилѣ, который у Іова обозначается словомъ livjathan (40, 25), а у Іезек. 29, 3 и др. словомъ thanin.

⁸⁾ Робинсонъ (Pal. II. S. 657) у Еглана въ равнинѣ іудейской видѣлъ большую, въ 6 ф. длиною, черную змѣю, которая была умерщвлена загонщиками муловъ. О встрѣчающихся въ В. Завѣтѣ змѣяхъ см. Винера R. W. Schlange.

§ 13. *Вліяніе земли Ханаанской на развитіе Израиля.*

Такъ какъ Палестина, несмотря на ея положеніе при Средиземномъ морѣ, не имѣла ни одной, особенно удобной для развитія мореплаванія, пристани, а вмѣсто того въ большемъ разнообразіи произведеній своей плодосной, совершенно удобной для земледѣлія и скотоводства почвы, представляла изобильныя средства къ жизни для самаго многочисленнаго народонаселенія; то этимъ самымъ уже указаны были для народа израильскаго, какъ главныя занятія его земной жизни: земледѣліе и скотоводство. Но, совершенно приспособленная къ этой цѣли, Палестина не принадлежала однакожъ къ такимъ землямъ, почва которыхъ не нуждается въ обработкѣ и человѣческомъ уходѣ. Напротивъ ея почва доставляла богатый доходъ только при трудѣ человѣка, который бы обработывалъ ее и прилагалъ свои труды къ ея произведеніямъ; къ труду человѣка приспособлялся и климатъ страны, не ослаблявшій духа и тѣла ни сильнымъ зноемъ, ни сильнымъ холодомъ и не препятствовавшій дѣятельности человѣка ¹⁾. При этомъ далѣе великое плодородіе страны обусловливавшееся прилежаніемъ и трудомъ человѣка, съ другой стороны еще болѣе

зависѣло отъ божественнаго благословенія, отъ дождя и росы небесной, безъ которыхъ не родятся здѣсь никакія растенія и не бываетъ никакого плода. Если такимъ образомъ, эта страна въ своихъ наполняемыхъ небомъ источникахъ и ручейкахъ, долинахъ, холмахъ и горахъ заключала въ себѣ все благословенныя средства для доставленія великаго обилія земныхъ благъ; то съ другой стороны она же въ особенныхъ качествахъ своей почвы и своихъ климатическихъ вліяніяхъ, опустошительныхъ знойныхъ вѣтрахъ, саранчѣ, землетрясеніяхъ и другихъ язвахъ, которымъ она была подвержена часто, носила на себѣ замѣтные слѣды неблагословенія, которое въ слѣдствіе грѣха тяготѣло надъ землею и въ частности служило признакомъ грѣховъ каждаго времени. Эта противоположность между благословеніемъ и проклятіемъ, между жизнію и смертію особенно бьетъ въ глаза въ Иорданской долині. Прекрасное озеро Геннисаретское съ своими, богатыми рыбою и оживленными стадами плавающихъ птицъ, водами и съ своими плодоносными, нѣкогда богато обрамленными плодовыми деревьями самыхъ различныхъ видовъ, берегами представляетъ привлекательный образъ полноты самой свѣжей жизни. Напротивъ того Соленое море съ своею бесплодною и пустою окрестностью ставить предъ глазами страшный образъ смерти и разрушенія. Въ этой рѣзкой противоположности между полнотою жизни и пустотою смерти, которыя въ нѣкоторыхъ пунктахъ этой страны лежатъ слишкомъ близко другъ къ другу, на примѣръ, въ страшной необитаемой пустыні Карантанія рядомъ съ цвѣтущими бальзамовыми садами и пальмовыми рощами Іерихона, въ этой противоположности Палестина является по истинѣ землею, на которую постоянно обращены очи Іеговы отъ начала года до конца года (Втор. 11, 12), землю, текущую молокомъ и медомъ (Исх. 3, 8. 17 и др.) для Израиля, поелику онъ остается вѣрнымъ завѣту съ Іеговою; но съ другой стороны—землею, которая легко могла обратиться въ источникъ проклятія: «сѣра и соль пожа-

рище вся земля, она не будетъ засѣяна, ничего не произведетъ, и не выйдетъ на ней никакой травы, какъ при гибели Содома и Гоморры, Адмы и Севонима, которые ниспровергъ Иегова во гнѣвъ своемъ и въ ярости своей.» (Втор. 29, 23). Если же вообще свойства земли оказываютъ не маловажное вліяніе на развитіе жителей; то Ханаанская земля, отдѣленная въ наслѣдіе Израильскому народу въ своемъ центральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изолированнымъ мировомъ положеніи (слич. § 8) и съ своею столь воспримчивою къ благословеніямъ и проклятіямъ почвою, въ совершеннѣйшей мѣрѣ была приспособлена и пристроена стать производительнымъ мѣстомъ царства Божія. Израиль могъ выполнить свое назначеніе: содержать и хранить божественныя откровенія о спасеніи только въ этой странѣ, въ которой, отдѣленный отъ сильныхъ волнъ всеобщаго народнаго движенія, онъ могъ тихо и безмятежно выполнять данную человѣку отъ Творца задачу—воздѣлывать землю, только въ этой странѣ, почва которой, всюду нося слѣды божественнаго благословенія и милости, въ тоже время постоянно напоминала своими естественными судьбами и климатическими отношеніями о строгости божественнаго суда и возбуждала своихъ обитателей, вѣрнымъ пребываніемъ въ союзѣ съ Богомъ, сохранять обѣщанное имъ благословеніе, и не навлекать на себя гнѣвъ проклятія и разрушенія, которому подвергается вѣроломство.

¹⁾ Ханаанъ «лежитъ внѣ тѣхъ предѣловъ естественной жизни, въ которыхъ земля чрезмерно противодѣйствуетъ человѣку какъ примѣръ въ жаркой хотя и полной прелестей Остѣ-Индіи, или въ холодной пустынѣ Гренландіи. Такого рода области земли дѣйствуютъ почти непреодолимо на грѣшное человѣчество, обезсиливая и опьяняя, погружая въ сонъ нравственную жизнь человѣка». S. П. Ланге, d. Leben iesu 11, стр. 29.



II. Библейской археологiи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Богослужебныя отношенiя Израилтянъ вообще.

§ 14. *Начала Израильскаго богочитанiя* ¹⁾.

Богочтенеiе стольже древне, какъ и человѣческiй родъ. Оно коренится въ врожденномъ человѣческому духу, вмѣстѣ съ потребностью богопознанiя, стремленiя свидѣтельствовать Богу—виновнику жизни и подателю всѣхъ благъ—любовь и благодарность въ словѣ и дѣлѣ. Не пытаюсь рѣшать вопроса: приносили ли наши прародители въ рай жертвы любви и благодарности Господу Богу ²⁾, мы знаемъ однакожъ изъ древнѣйшаго первоисточника знанiй человѣческихъ не только то, что уже сыновья нашихъ прародителей чувствовали въ себѣ потребность приносить отъ избытковъ своей жизненной дѣятельности жертву Богу, не отнявшему совѣтъ, и послѣ паденiя и изгнанiя человѣка изъ рая, своего милостиваго присутствiя отъ первыхъ обитателей земли и ихъ потомковъ; но также и то, что уже при Енохѣ, внукѣ Адама, началось «*призыванiе имени Іеговы*» (Быт. 4, 26) т. е. формальное и торжественное почитанiе Іеговы въ славѣ и дѣйстви: молитвѣ и жертвѣ ³⁾. Ни слова, оба эти выраженiя богочтенеiя—*призыванiе божескаго имени* или молитва любви, благодаренiя и прошенiя, и *жертва*, какъ знакъ и символъ сердечной преданности личному Богу—не выражены въ какой-либо положительной божественной заповѣди, но съ другой стороны ихъ нельзя считать и человѣческимъ изобрѣтенiемъ. Онѣ столько же божескаго сколько и человѣческаго происхожденiя, потому что основаны на вложенномъ въ человѣка чрезъ творенiе отношенiи къ Богу и вызваны къ развитiю слѣдовавшимъ за творенiемъ божественнымъ воспитанiемъ и управленiемъ. Они находятся поэтому у всѣхъ народовъ до начала ихъ исторiи и съ постепеннымъ

развиіемъ народовъ только развиваются—впрочемъ различнымъ образомъ. Уже въ первыхъ своихъ генераціяхъ человѣчество расходится въ два различныхъ направленія; между тѣмъ какъ каниты все далѣе удалялись отъ Бога и все глубже погружались въ суету мірской жизни, сиюиты остаются вполнѣ преданы Богу, воспитываются и руководствуются Его благодатію и милостію. Эта противоположность опять выступаетъ и послѣ потопа между сыновьями благочестиваго и праведнаго Ноя и принимаетъ широкіе размѣры вмѣстѣ съ увеличеніемъ и развѣтвленіемъ ихъ на поколѣнія, племена и народы; чѣмъ дальше тѣмъ больше ихъ богочитаніе съ теченіемъ времени переходитъ въ безбожіе и идолослуженіе.

Хотя съ древнихъ временъ, начавшійся съ Эноса образъ богочитанія сохранился въ родѣ, ревновавшемъ по Богѣ, изъ котораго напр., Энохъ ходилъ предъ Богомъ (Быт. 5, 24); но такъ какъ чрезъ плѣтское смѣшеніе сыновъ Божіихъ съ дочерьми человѣческими распространилось забвеніе Бога и нравственное растлѣніе, такъ что родъ праведныхъ предъ Богомъ ограничился только Ноемъ, послѣ избавленія отъ потопа благодарившемъ Іегову Бога жертвою всесоженія на созданномъ для этого жертвенникѣ (Быт. 6, 9 и 8, 20); то Богъ выдѣлилъ для себя, изъ погрузившагося въ идолопоклонство человѣчества, вѣрнаго раба Авраама, призвалъ его изъ среды его безбожныхъ соотечественниковъ быть посетелемъ своихъ откровеній о спасеніи и сдѣлалъ его патріархомъ и родоначальникомъ народа, который долженъ былъ сохранять познаніе и почитаніе Его имени до времени явленія изъ него спасенія міру. Тогда какъ остальные племена земныя, при своемъ развитіи въ народы, вмѣстѣ съ разнообразно организованнымъ государственнымъ порядкомъ распространяли свои національные образы богочтенія и образовали множество культовъ съ многочисленнымъ жречествомъ и многими священными обрядами, въ честь своихъ многообразныхъ и многочислен-

ныхъ боговъ; богопочтеніе Авраама и его, рожденное ему по божественному обѣтованію, потомство принесло съ собою въ землю переселенія чистый простой образъ пастушеской жизни, соотвѣтствовавшій чистотѣ божественныхъ откровеній, которыя для нихъ продолжали повторяться. Гдѣ Богъ открывался патріархамъ и гдѣ они на долгое время раскидывали свои шатры, тамъ созидали и жертвенники, чтобы по древнему допотопному образу призывать имя Іеговы (Быт. 12, 7. 8. 13, 4, 18 и т. д.). Эти жертвенники были простыя, сдѣланныя изъ камней и земли, возвышенія (*bamoth*), а приносимыя на нихъ жертвы брались изъ употреблявшихся въ пищу (т. е. чистыхъ) животныхъ стада. Объ особенныхъ церемоніяхъ при этихъ жертвахъ намъ ничего не передано; однакожъ мы имѣемъ право полагать, что онѣ были приносимы при молитвѣ самихъ патріарховъ безъ всякаго священническаго посредничества; отецъ семейства или глава племени былъ вмѣстѣ священникомъ своего дома или своего рода. Большею частію приносились жертвы всесоженія, т. е. такія, въ которыхъ все приношеніе сполна сжигалось на жертвенникѣ, хотя уже въ раннія времена выступаетъ жертвенное закланіе такого рода, въ которомъ часть мяса назначалась для жертвенныхъ пиршествъ. (Быт. 31, 54. 46, 1). Какія животныя должны были приноситься въ жертву Іеговѣ, на это патріархи имѣли указаніе въ жертвѣ, которую Богъ требовалъ для заключенія завѣта съ Авраамомъ (Быт. 15, 9); а какое значеніе имѣло жертвенное животное, именно что оно служило символомъ сердечной преданности Богу, это открыто было патріархамъ въ ясномъ смыслѣ потребованной Богомъ жертвы Исаака (Быт. 22). Повторялись ли эти жертвы правильно въ опредѣленные времена, или приносились только въ особенныхъ обстоятельствахъ, какъ на примѣръ это говорится объ Іовѣ (1, 5), нельзя рѣшить. Впрочемъ созидаіе жертвенниковъ для призванія имени Іеговы на различныхъ временныхъ мѣстахъ ихъ остановокъ могло бы указы-

вать на правильное, и вмѣстѣ съ тѣмъ приуроченное къ извѣстнымъ временамъ богослуженіе, хотя до Моисея нельзя указать ни какого историческаго слѣда празднованія седьмаго дня недѣли или субботы.

Кромѣ жертвенниковъ, патріархи содержали заботливо мѣста, на которыхъ они получали особенныя откровенія и обѣтованія отъ Бога, сооружая на нихъ памятники (*matzeboth*), и утверждали ихъ въ значеніи мѣстъ Божіихъ чрезъ возліаніе елея ⁴⁾ и приношеніе на нихъ жертвы возліанія (Быт. 28, 18, 35, 15). Кромѣ того, есть упоминаніе объ обѣтѣ, данномъ Іаковомъ при Веилѣ во время бѣгства отъ Исава: «если Богъ будетъ со мною, сохранитъ меня и позаботится обо мнѣ, благополучно возвратитъ меня; то будетъ Іегова моимъ Богомъ, и камень, поставленный памятникомъ, будетъ домомъ Божіимъ, и изъ всего, что дастъ мнѣ Богъ, дамъ Ему десятую часть (Быт. 28, 20 и д)». Касательно исполненія этого обѣта въ Быт. 35, 1 и дал. есть свидѣтельство, что Іаковъ, приготовившись удаленіемъ чуждыхъ боговъ изъ своего дома и преданіемъ ихъ землѣ, также очищеніемъ тѣла и перемѣною одеждъ, прибылъ въ Веилъ и создалъ жертвенникъ; изъ этого мы можемъ заключать, что Іаковъ отдалъ при этомъ Богу обѣщанную десятину отъ своего имѣнія, хотя, по причинѣ молчанія первоисточника, нельзя утверждать ничего объ исполненіи ея ⁵⁾.

Къ этимъ формамъ богочтенія, которыя всѣ у патріарховъ установились по древнимъ образцамъ, отличая ихъ отъ остальныхъ народовъ, только тѣмъ, что патріархи не служили съ ними богамъ природы, но поклонялись всемогущему Творцу неба и земли, Который открылся имъ, какъ *Іегова*, произошло еще *обрѣзаніе*, совершенное по божественному повелѣнію Авраамомъ на своей собственной плоти и плоти всѣхъ лицъ мужескаго пола въ его домѣ, въ знаменіе союза, заключеннаго съ нимъ Іеговою

и сдѣлавшееся непреложнымъ закономъ для всѣхъ его потомковъ (Быт. 17, 10. 23). Больше ничего неизвѣстно о формахъ патриархальнаго культа.

¹⁾ Сравни. Копр. Икена de institutis et ceremoniis legis mosaicae ante Moſen. Разсужд. I и II въ его dissertat. phil. theol. Vol. II. ed. Shacht. Traj. Bit. 1770 pag. 11 sgg.

²⁾ Догадки Ф. Сарторіуса (Über den alt-und neutest. Cultus. 1852. S. 52): «я не сомнѣваюсь, что и первые, сотворенные и поселенные Богомъ владычествовать надъ землею, люди совершали въ раю не только молитвы, но и жертвы любви и благодаренія отъ преисполненнаго благодарности сердца, посвящая Ему первенцевъ отъ цвѣтовъ и плодовъ Эдема»,—какъ произвольную выдумку отвергаетъ Гофманиъ (Schriftbeweis 11, 1. S 140), признающій жертву только «какъ даръ, приносимый человекомъ Богу», чтобы обязать Бога на благодѣянія съ его стороны.

³⁾ По объясненію Делича, Genes. II. S. 212 ff, «со времени Эноса къ домашнему, безформенному и свободному богослуженію отдѣльных лицъ присоединилось открытое, упорядоченное, общее богослуженіе, въ собраніяхъ».

⁴⁾ По изъясненію Делича, Genes. 11, стр. 21: «патріархи посвящали его (камень) въ богослужебный памятникъ, можетъ быть, фундаментъ святилища». Сооруженіе освященныхъ патріархальныхъ памятникѡвъ (срав. Быт: 31, 45. Исх. 24, 4. 1 Сам. 7, 12) нужно, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же ученый, точно отличать отъ вошедшихъ въ культъ идолопоклонства, священныхъ камней—λίθοι, λίπαροι, ἀλτήρινοι, lapides iuncti, которые были распространены на всемъ востокѣ до Греціи и Рима. Хотя языческіе нравы вообще были извращеніемъ патріархальныхъ; но языческіе βαιτυλοι или βαιτυλια—имя взятое отъ еврейскаго beth-el домъ божій—имѣли особенное происхожденіе; это были аэролиты (Орелл. въ Sanchun. стр. 30), обоготворявшіеся какъ произведеніе того или другаго бога. Подробно разсматриваетъ этотъ предметъ I. Гриммельъ, de lapidum cultu apud patriarchas quaesito. Марб. 1853, который сильными доводами опровергаетъ связь между языч. βαιτυλοι и патріарх. beth-el.

⁵⁾ Различныя догадки на это есть у Конр. Икена 1 гл. стр. 19 и дал. Вопросъ о десятинахъ онъ рѣшаетъ такъ, *ut decimam illam partem cultui et gloriae Dei et secundum qns voluntatem, pie impenderet partim Deum sacrificiis pie colendo, partim sumpus appromovendum cultum publicum, quocunque etiam modo id fieri posset, suggerendo, partim erga pauperiores officia caritatis observando et jura hospitatis pro Morum temporum ratione exercendo*, Срав. Быт. 18, 2 и д. Евр. 13, 2, равно и Иова 31, 32; также Куртца, *Geschichte d. alt. Bundes* 1. 5. 243. 2 Aufl.

§ 15. *Общій характеръ Моисеева культа.*

Простой патриархальный видъ культа не могъ быть достаточнымъ для сыновъ израилевыхъ, когда они возрасли въ многочисленный народъ и, освобожденные изъ Египта, при Синаѣ возвышены были Іеговою въ народъ Его завета. Если Израиль, какъ народъ стройнаго государственнаго общества, долженъ былъ оставаться при своемъ божественномъ призваніи; то для этого нужно было заново поставить его религіозныя отношенія, утвердить и упредить положительными божественными опредѣленіями родъ и видъ его богослуженія вообще и въ частностяхъ. Но этотъ новый образъ нельзя принимать за введеніе совершенно новаго вида богочтенія; богослуженіе, которое Израиль, какъ народъ союза съ Богомъ, долженъ былъ совершать и исполнять, было въ сущности служеніемъ тому же Богу, Котораго почитали и прославляли еще праотцы его. Уже по этому основанію, введенный Моисеемъ культъ необходимо долженъ былъ утверждаться на патриархальномъ образѣ богослуженія, принять его въ основаніе и только по нуждамъ израильтянъ, какъ народа, развившагося въ общество и государство, развивать далѣе, дополнять и приводить въ такой порядокъ и совершенство, чтобы всѣ его формы и обряды прямо вели къ одной великой цѣли, къ споспѣшествованію миссіи указанной Богомъ Израилю. Эту цѣль и выполняетъ Моисеевъ культъ, покуда онъ обнимаетъ всѣ необходимыя для совер-

шенства культа моменты, точно опредѣляя какъ мѣсто богослуженія со всеѣмъ его устройствомъ и особенный составъ священныхъ лицъ, такъ и священно-дѣйствія, и богослужебныя времена съ свойствами и образомъ ихъ празднованія, и такъ поставляя все эти моменты въ ихъ взаимномъ отношеніи одного къ другому, что вмѣстѣ все они образуютъ собою одно гармоническое стройное цѣлое. Этотъ культъ долженъ былъ носить на себѣ характеръ истиннаго богопочтенія, потому что Моисей начертилъ его по божественному откровенію, и Іегова Богъ Израиля былъ истинный Богъ. Но при этомъ въ Моисеевомъ культѣ обращаетъ на себя вниманіе насъ сквозь проникающая его чувственная форма, и тотъ фактъ, что онъ многія формы и обряды имѣетъ общія съ культами языческихъ религій. Эти особенности часто толкуютъ въ ложномъ духѣ и направляютъ къ ниспроверженію божественнаго первоисточника и характера культа; именно когда, исходя изъ абстрактной идеи призванія Бога въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 24), частію ложно понимаютъ отношеніе чувственныхъ формъ къ впечатленнымъ на нихъ идеямъ, частію принимаютъ чувственную форму за собственную сущность культа ¹⁾).

¹⁾ Это совершенно внѣшнее пониманіе Моисеева культа имѣетъ свое основаніе въ огульномъ отрицаніи не только природы царства Божія и библейскихъ откровеній, но вообще существа религіи, будто бы состоящей только «въ наставленіяхъ о бытіи Божіемъ и дѣлахъ Его и въ нравственныхъ предписаніяхъ объ обязанностяхъ къ Богу и людямъ». Прежде всего оно высказано средневѣковымъ іудейскимъ философомъ Маймонидомъ, который въ своемъ *Moreh Nevuchim, doctor perplexorum*, ed. I. Vixt. lib. III, с. 45—49, большую часть законовъ культа Моисеева выводитъ изъ оппозиціи идолослуженію, не признавая никакой высшей цѣли всего закона, кромѣ уничтоженія идолослуженія (*Totius Legis scopus et cardo consistit in hoc, ut idololatria e medio tollatur, nomen ejus deleatur* р. 445). Далѣе это пониманіе развивалось его комментаторомъ, раввиномъ Schem Tob, который

въ одномъ приведенномъ у Бэра (Simbol. 1 стр. 9. зам. 1) мѣстѣ трактуеть весь Моисеевъ культъ какъ копію земнаго царскаго служенія. Въ христіанское богословіе этотъ взглядъ введенъ англійскимъ каноникомъ Иоан. Спенсеромъ въ его сочиненіи *de legibus Hebraeorum rit. earumque rationibus libri IV.* Въ этомъ сочиненіи предпринимается *leges Mos. non sine ratione quamquam mutabili et temporalia datas evincere* (pag. 19. ed: Tubing.). Это ratio, по Спенсеру двоякое: ratio primaria, то, по которому законъ долженъ быть *medium ordinarium quo Deus ad idololatriam abolendam, et Israelitas in ipsius fide cultu que retinendos, uteretur, ratio secundaria: ut legis istius ritus et instituta rerum altiorum σκιαγραφίαν* quandam exhiberent, et rebus quibusdam evangelicis et officiis moralibus, tanquam in typo vel imagine repraesentandis, inservirent. (pag. 19). По смыслу rat. prim. сущность теократіи состоитъ въ томъ, что Богъ былъ царемъ Израіля, и притомъ rex politicus, militaris et coelestis и въ послѣднемъ отношеніи долженъ былъ быть почитаемъ Израильтянами. Это долженъ былъ установить законъ такимъ образомъ: *ut ritus et instituta, Dei cultum spectantia, semper aliquid regum mortalium sorte sublimius et angustius olerent, et eodem tempore lehovae tribuerent infirmitatem regis et majestatem Dei; nempe ut hac ratione sensus et affectus majestati coelesti consentanei incuterentur, et legis institutis nom minus Dei honori quam plebis imbecillitati consultum esset* (pag. 231 и д). Самое происхожденіе этого культа совершилось такъ: *Quando itaque Deo jam res esset cum rudi populo, a suis seculique moribus nulla machina dimovendo; eorum (scil. gentium, Aegypti praecipue) ritus nonnullos paululum emendatos leni animo tulit: et per συγκατάβασιν illani Israelitas a gentium idolis et ceremoniis sensim et suaviter avocare studuit, quos statim et cum violentia quadam avellere non potuit* (pag. 640), или какъ коротко онъ выше говорить: *Deus interim (ut superstitioni quovis pacto iretur obviam) ritus non paucos, multorum annorum et gentium usu cohonestatos, quos ineptias norat esse tolerabiles, aut ad mysterium aliquod adumbrandum aptos, in sacrorum numerum adoptavit.* По этимъ выдержкамъ изъ Спенсера можно уже догадаться что ratio secundaria, не была по его сердцу. Такимъ образомъ, если въ первомъ изданіи у него пропались слѣдующія слова: *Nam, in iudaeorum ritibus et ceremoniis, tot mysteria statum Evangelicum*

spectantia latuerunt, ut gens illa non minus regnum propheticum quam sacerdotale videretur, то въ двухъ слѣдующихъ изданіяхъ онѣ выброшены (срав. Хр. М. Пфаффа dissert. praelim. p. 2) и вообще только въ немногихъ отдѣлахъ объ обрядахъ говорится у него о ratio mystica et typica. Хотя эти взгляды сначала встрѣтили сильный отпоръ во множествѣ возраженій (Срав. собраніе ихъ Пфаффа въ dissert. praelim. его издан.), но все же они не были устранены, а при посредствѣ деизма и рационализма прошлаго столѣтія постепенно возвысились даже въ господствующій взглядъ вѣка, такъ что наконецъ сами апологеты супранатуральнаго откровенія, І. І. Гёссъ и Д. І. Кёппенъ, усвоили ихъ, какъ орудіе для защиты В. Завѣта. Смори Бэра, Symb. 1 стр. 9. Зам. 2.

Во всякомъ случаѣ Моисеевъ культъ вращался большею частію въ чувственныхъ формахъ и обрядахъ. *Во первыхъ* чело-вѣкъ, какъ духовно-тѣлесное существо, не могъ обращаться къ Богу абсолютному Духу, чисто духовнымъ путемъ, напротивъ его отношеніе къ Богу могло быть мыслимо только при посредствѣ тѣлесныхъ органовъ. Если вообще возможно выразить религиозное чувство и сознаніе, то не иначе какъ только чрезъ слово и дѣйствіе. Но уже слово, будучи непосредственнымъ выраженіемъ духа, всегда чувственно и наружно; тоже самое и въ еще большей степени нужно сказать о дѣйствіи. Если же слово и дѣйствіе суть необходимыя формы каждаго культа, то далѣе эти формы необходимо должны быть какъ выраженіемъ духовныхъ отношеній чело-вѣка къ Богу, такъ и отпечаткомъ религиозныхъ идей; онѣ должны стоять въ опредѣленномъ отношеніи къ этимъ идеямъ т. е. имѣть чувственно-образный или символическій характеръ. Такъ въ Моисеевомъ культѣ; такъ въ культахъ всѣхъ религій. Далѣе каждый культъ, который имѣетъ въ виду раскрыть и укрѣпить религиозную жизнь, необходимо долженъ быть учрежденъ соотвѣтственно степени духовнаго развитія, на которой стоитъ религиозное сознаніе времени. Но израильскій народъ на-

ходилъ, какъ всѣ народы древности, особенно восточные, на первой степени своего развитія и во время Моисея на степени преимущественно непосредственнаго созерцанія, на которой не развито еще бываетъ съ полною ясностію сознанія различіе между духовнымъ и тѣлеснымъ, идеальнымъ и реальнымъ. При такомъ, свойственномъ вообще дѣтскому и юношескому возрасту человѣчества, созерцаніи—скажемъ словами Бэра: «всѣй реальный міръ есть ничто другое, какъ явленіе идеальнаго; все твореніе есть не только произведеніе, но и свидѣтельство и откровеніе божества; ничто реальное не есть простая мертвая масса, а тѣло и воплощеніе идеальнаго» ²⁾. Культъ, опредѣлившійся на этой степени развитія религіознаго сознанія, по необходимости долженъ быть богатъ чувственными формами и обрядами, если онъ хочетъ выражать религіозную жизнь въ ея различныхъ сторонахъ и отношеніяхъ. На этой степени развитія выше всего стоитъ необходимость облачать религіозныя истины въ чувственные покровы, подъ ними понимать, созерцать и представлять ихъ.

Сюда еще привходитъ отличительный характеръ ветхозавѣтной откровенной религіи. Религія Ветхаго Завѣта есть монотеизмъ въ противоположность политеизму языческихъ народовъ. Но не это одно; она есть еще откровеніе о спасеніи, спасительная мѣра такъ сказать, лечебница для возстановленія расторгнутаго грѣхомъ жизненнаго общенія человѣка съ Богомъ, источникомъ вѣчной жизни. Истинный Богъ,—тотъ, котораго Моисей проповѣдуетъ израильтянамъ, какъ Іегову, есть не только всемогущій Творецъ, хранитель и правитель міра и всѣхъ тварей на небѣ и на землѣ, не только вѣчный абсолютный Духъ, но и правда, и святость, благость и любовь: Онъ сотворилъ, по Своему образу, людей для блаженной жизни въ личномъ общеніи съ Собою, святою личною любовью; Онъ не только безконечно—высокъ, далекъ и преміренъ, сидя на престолѣ небесномъ, но и вездѣ присушъ и близокъ; Онъ любвеобильно принимаетъ къ себѣ вся-

кое Свое твореніе, снисходитъ къ немощнымъ и требующимъ спасенія, удаляющихся отъ Него ищетъ возвратить къ источнику жизни. И потому когда мысль и чувство человѣка стали злыми отъ юности его, то Богъ изъ всего испорченнаго человѣчества въ Авраамѣ и его сѣмени выдѣляетъ Себѣ племя, которое дѣлаетъ въ особенномъ смыслѣ Своимъ народомъ и которому въ особенномъ смыслѣ хотеть быть Богомъ, чтобы чрезъ этотъ народъ основать спасеніе міра. Во исполненіе этого благодатнаго опредѣленія, Онъ насаждаетъ въ этомъ народѣ Свое царство, спасаетъ его отъ рабства египетскаго и у Синая опредѣляетъ ему порядокъ жизни, чрезъ принятіе и исполненіе котораго Израиль долженъ быть для Него дорогою собственностію (*segullah*) изъ всѣхъ народовъ ³⁾, царствомъ священниковъ и священнымъ народомъ (Исх. 19, 5).

Это опредѣленіе ветхозавѣтной религіи, какъ спасительной мѣры или врачевницы къ основанію царства Божія, необходимо должно было привести къ значительному увеличенію формъ ея культа ⁴⁾. Царство Божіе состоитъ не только во внутреннемъ жизненномъ общеніи, по силѣ котораго Богъ духомъ Своимъ дѣйствуетъ на сердца людей, созидая въ нихъ жилище Себѣ, оживляетъ умъ и сердце человѣка, управляетъ ими и дѣлаетъ наследниками блаженства; чтобы оно могло имѣть реальное существованіе въ этомъ мірѣ въ условіяхъ временности, въ глазахъ людей, живущихъ въ земныхъ тѣлахъ, оно должно явиться въ земныхъ формахъ и учрежденіяхъ, которыя поставляли бы въ живую связь съ Богомъ всю какъ внутреннюю, такъ и вѣшнюю жизнь человѣка. Но если чрезъ это уже значительно должна была увеличиться область религіозныхъ отношеній человѣка къ Богу, которыя необходимо должны находить для себя и соответственное выраженіе въ культѣ; то за тѣмъ слѣдуетъ принять еще въ разсмотрѣніе то, что актомъ синайскаго заключенія союза не завершилось сразу жизненное общеніе Израиля съ Богомъ, со-

ставляющее сущность царства Божія—(потому что народъ еще не былъ приготовленъ къ тому), а только основывалось, и народъ долженъ былъ быть воспитываемъ строгимъ порядкомъ закона къ правотѣ хожденія предъ Богомъ и къ освященію жизни въ Богѣ. По причинѣ происшедшаго отъ грѣха и имъ усиленнаго отчужденія отъ Бога, въ которомъ и Израиль находился по своему естественному бытію, домостроительство В. Завѣта могло принять характеръ только приготовительной спасительной мѣры, хотя со стороны Бога и здѣсь уже положено было реальное отношеніе, заключавшее въ себѣ зародышъ для истиннаго и полного жизненнаго общенія съ Богомъ. Реальность этого отношенія открывается не только въ томъ, что Іегова, какъ Господь и Царь, даетъ Своему народу устройство, даруетъ ханаанскую землю въ наследіе и собственность и потомъ защищаетъ, руководитъ и управляетъ имъ, но и въ предписанномъ Израилю культѣ, потому что образованіе этого культа въ своихъ формахъ и установленіяхъ представляетъ жизненное общеніе съ Богомъ, въ которомъ божественная благодать открывается народу Завѣта въ такомъ образѣ, который не только былъ ясенъ и возбудителенъ для религіознаго сознанія народа въ его тогдашнемъ развитіи, но и совершенно приспособленъ къ тому, чтобы воспитать грѣховный народъ въ божественномъ страхѣ и любви, образовать его духовную жизнь и его совершенствованіе вести къ истинному примиренію съ Богомъ.

Если такимъ образомъ, по вышесказанному, чувственная форма Моисеева культа не только можетъ быть изъяснена изъ существа и конечной цѣли ветхозавѣтнаго откровенія, но равнымъ образомъ выходитъ необходимо изъ правильнаго, библейскаго понятія о царствѣ Божіемъ въ его первичномъ образованіи, предлагающемъ первый путь спасенію людей; то вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть отвергнуты какъ заблужденія всѣ взгляды, которые, неправильно различая между формою и существомъ этого культа,

оплодотворяютъ форму съ сущностію, или же считаютъ чувственную форму не принадлежащею къ существу Моисеевой религіи, а прибавленною къ ней совнѣ только по приспособленію, по причине грубости, еще неспособнаго къ принятію духовной истины, народа. Вопреки этимъ взглядамъ должно быть излагаемо *символическое* изъясненіе учреждений и обрядности В. З. культа.

2) Сравни. Бэра Symbol. 1. стр. 24.

3) Относительно этого значенія слова Segullah срав. Гендстенберга Christol. III. стр. 638. Второе изданіе.

4) Этотъ весьма важный для оправданія чувственной формы Моисеева культа моментъ Бэръ въ своемъ представленіи оставилъ безъ вниманія

Чтобы ближе опредѣлить символическій характеръ Моисеева культа, мы необходимо должны различать между *символомъ* и *типомъ*. Оба они суть простые чувственные образы для представленія отвлеченныхъ идей, но чувственные или дѣйствующія на чувство подставки подъ сверхчувственные отношенія, и оба они первоначально принадлежать религіозной области ⁵⁾; но они различаются тѣмъ, что символъ есть дѣйствующій на чувство предметъ, значеніе котораго заключается не во внѣшнемъ его явленіи, но въ сверхчувственной идеѣ, которая чрезъ него представляется созерцанію. Типъ напротивъ есть объектъ сверхчувственного значенія, указывающій на будущее, изображающій реализацію будущаго, такъ что его можно опредѣлить какъ «пророческій символъ». Символическій характеръ В. З. культа состоитъ не только въ томъ, что въ его учрежденіяхъ и обрядахъ изображаются сверхчувственные отношенія и религіозное общеніе израильтянъ съ Богомъ; но и въ томъ, что этотъ культъ есть чувственное выраженіе опредѣленнаго отношенія, въ которое вступалъ Іегова съ избраннымъ Имъ народомъ и въ которое поставлялъ Онъ этотъ народъ къ Себѣ и Своей снисходящей благодати,—въ

томъ, что этотъ культъ есть отображеніе царствія Божія съ его внутренней, религиозной стороны, въ которомъ находятъ для себя реальное выраженіе тѣ степени жизненнаго общенія, по которымъ безконечный, святой Богъ по Своей неизрѣченной милости сходилъ въ союзъ съ Израилемъ, а выѣстъ съ тѣмъ и отдѣняется, т. е. изображается какъ бы въ далекомъ силуэтѣ истинное и совершенное соединеніе людей съ Богомъ въ искупленіи. Напр., скинія завѣта, центръ этого культа, есть собственно домъ Божій, гдѣ Богъ обитаетъ и свидѣтельствуется, какъ близъ присущій, народу, ищущему здѣсь Его присутствія, но свидѣствуется не путемъ непосредственнаго схождения, а чрезъ посредство посвященныхъ священниковъ и при томъ такъ, что и эти посредники могутъ выступать только съ умиловительною кровію жертвы Всесвятому, пока еще грѣхъ, отдѣлившій людей, какъ нечистыхъ, отъ Всесвятаго Бога, не былъ заглаженъ. Это духовное средостѣніе олицетворяется завѣсою, которая отдѣляетъ престолъ божественной благодати отъ мѣста, гдѣ посвященные посредники являются предъ Бога съ жертвами народа. Но самому народу запрещенъ былъ входъ во святое и его близость къ Богу ограничивалась явленіемъ предъ Нимъ у жертвенника внутренняго двора. Это, произведенное грѣхомъ, средостѣніе открывается и въ различныхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ. Жертвы, посвященія и очищенія имѣютъ цѣлю погашеніе грѣховъ и примиреніе съ Богомъ, но все же онѣ не могутъ доставить непосредственнаго доступа къ престолу благодати Божіей, еще менѣе—жительства и пребыванія въ домѣ Божіемъ. Такимъ образомъ культъ въ своихъ различныхъ формахъ изображаетъ реальное, духовно-нравственное отношеніе въ общеніи между Іеговою и народомъ, отношеніе, которое носитъ въ себѣ зародышъ и начало воссоединенія человѣка съ Богомъ, но самаго воссоединенія, истиннаго и пребывающаго единенія жизни въ Богѣ, не даетъ, а только ставитъ его предъ народомъ, въ опредѣленномъ видѣ, какъ конечную

цѣль божественнаго благодатнаго союза. Въ этомъ состоитъ *типическое* значеніе этого символа, и такимъ образомъ мы необходимо должны требовать отъ Моисеева культа не только символическаго, но и типическаго характера. Этотъ типическій характеръ символическаго культа явствуетъ съ внутреннею необходимостію изъ идеи и цѣли ветхозавѣтнаго откровенія, какъ основанной Богомъ врачевницы для примиренія и воссоединенія человѣчества съ Богомъ, Первоисточникомъ жизни, изъ котораго единственно только оно можетъ черпать вѣчную, блаженную жизнь, для которой сотворено. Этотъ характеръ ясными выраженіями указанъ и въ Нов. Завѣтѣ, когда Іисусъ Христосъ является Исполнителемъ закона (Матѣ. 5, 17), не только въ проповѣди, но и въ своихъ дѣлахъ и страданіяхъ. Поэтому и Апостолы рассматривали, какъ руководителя ко Христу (παιδαγωγὸς εἰς χριστόν Гал. 3, 24), то весь законъ, то обрядовый законъ, какъ тѣнь будущаго — σκιά μελλόντων (1 Кол. 2, 17), но въ особенности указывали исполненіе всего культа жертвъ въ примирительной жертвенной смерти Іисуса Христа (Евр. 7—10) ⁶).

Въ вѣрномъ пониманіи отношенія, въ которомъ символическія формы Моисеева богослуженія стоятъ къ сущности ветхозавѣтнаго откровенія, даны начала для рѣшенія вопросовъ: какъ далеко простиралось символическое значеніе въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ и обрядахъ, и было ли оно ясно или удобопонятно для религіознаго сознанія народа? Отвѣтъ на *первый* вопросъ въ общемъ видѣ данъ уже въ правильномъ понятіи царства Божія въ его ветхозавѣтномъ образованіи, а частіе его можно найти въ различіи существенныхъ составныхъ частей того или другаго учрежденія или обряда отъ просто формальныхъ прибавленій, нужныхъ только для обстоятельнаго представленія и совершенія. Если, напр., царство Божіе въ скиніи представляется, какъ палатка, въ храмѣ, какъ чертогъ, въ которомъ обитаетъ Богъ и вступаетъ въ общеніе съ Своими народамъ; то здѣсь должны

имѣть знаменательность не только расположеніе и раздѣленіе этого жилища, но и его внутреннее устройство и принадлежности съ утварію необходимою для совершенія богослуженія. Но въ частности здѣсь само собою обращаетъ на себя вниманіе то, что законныя опредѣленія объ этихъ вещахъ представлены въ точномъ описаніи, какъ несомнѣнно важныя; изъ подобныхъ описаній можетъ быть опредѣлено при всякомъ случаѣ различіе между существеннымъ и несущественнымъ ⁷⁾. Что касается *второго* вопроса, то, собственно говоря, нельзя отдѣлять, между символами сознанными народомъ и не сознанными, потому, что такое различіе почти не существуетъ на точкѣ зрѣнія непосредственнаго религіознаго созерцанія ⁸⁾, и выступаетъ только при переходѣ этого созерцанія въ разсудочный рефлексъ. Если бы Моисеевъ законъ давалъ *ex abrupto* одни преписанія относительно устройства и обрядовъ богослуженія, то еще можно было бы настаивать на вопросѣ, — могъ ли народъ проникать въ его глубокое духовное значеніе? Но такъ какъ законодательству Моисея предшествовали и послѣдовали откровенія Іеговы въ словѣ и дѣлѣ ⁹⁾, и самый законъ во всѣхъ своихъ заповѣдяхъ много говорилъ о святости и правдѣ, какъ и о милости и любви истиннаго, вѣчнаго и всемогущаго Бога неба и земли, то Израиль могъ изъ этого богатаго сокровища вѣденія о существѣ и дѣлахъ Божіихъ черпать познанія, необходимыя для уразумѣнія формъ богослуженія. Но если, не смотря на это, въ послѣдствіи времени народная масса принимаетъ внѣшнюю форму за сущность богопочтенія, то здѣсь уже вина лежала не въ чувственной формѣ богослуженія, но въ чувственности народа, заслонявшей душу и сердце отъ свѣта слова Божія, помрачавшей разумѣніе и смыслъ и цѣлавшей естественнаго человека неспособнымъ къ принятію религіозной истины.

⁵⁾ Послѣ ученаго изслѣдованія Крейцера см. Бэра, Symbolik, 1, стр. 15.

6) Этот типический смысл ветхозавѣтнаго богослуженія всегда былъ признаваемъ въ христіанской церкви, но еще не развитъ теологически правильнымъ образомъ. Опуская изъ виду символическое значеніе этихъ типовъ, т. е. значеніе, которое имѣли Моисеевы формы богослуженія для ветхозавѣтнаго откровенія и для религіознаго сознанія израильтянъ, и относя все непосредственно на христіанское общество, богословы теряли твердую почву, на которой истинная типика должна необходимо основываться, если только она не хочетъ блуждать въ произвольныхъ рѣшеніяхъ. Въ эту ошибку впади Соссенъ и его ученики въ своихъ опытахъ развитія ветхозавѣтныхъ типовъ, обличая себя тѣмъ болѣе, что у нихъ, при этой важной ошибкѣ, недостаетъ смысла для идеальнаго пониманія связи между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, какъ это разяснено у Бэра (Symb. 1, стр. 18). Рационализмъ въ символическомъ смыслѣ В. З. находитъ одну досужую забаву и порицаетъ его, и то не только въ лицѣ своихъ полныхъ приверженцевъ, но и тѣхъ, которые признавали въ В. Зав. божественное откровеніе. Этимъ предубѣжденіямъ прежде всего противосталъ Бэръ въ своей символикѣ Моисеева культа, въ которой онъ ставитъ себѣ задачу: научнымъ образомъ обосновать символическій характеръ богослуженія В. З. и показать смыслъ отдѣльныхъ богослужебныхъ символовъ,—и съ успѣхомъ началъ рѣшать ее. Этими замѣчаніями библейская археологія должна и ограничиться, потому что типика (не смотря на то, что она основаніе и почву получаетъ отъ символики), принадлежитъ области не археологій, но библейской теологій и догматики.

7) Изъ этихъ всеобщихъ принциповъ замѣчательны поставленныя Бэромъ (Symb. 1, стр. 48), вполне вѣрныя спеціальныя правила изъясненія: а) смыслъ отдѣльныхъ символовъ условливается прежде всего точнымъ познаніемъ ихъ свойствъ; б) къ значенію каждаго отдѣльнаго символа можно доходить ближайшимъ образомъ отъ изученія его имени (слѣдовало бы сказать: отъ его характеристичнаго собственнаго имени, такъ въ скиніи завѣта значеніе ея выводится не отъ названія: »домъ Божій», но отъ болѣе характер. имени: «скинія собранія»); в) каждый отдѣльный символъ имѣетъ

вообще только одинъ (не необходимо простой) смыслъ; d) каждый отдѣльный символъ имѣетъ основное значеніе всегда одно и тоже, въ какихъ бы разнообразныхъ соединеніяхъ и сопоставленіяхъ онъ ни встрѣчался; e) въ каждомъ отдѣльномъ символѣ, будь это вещь или обрядъ, должно различать то, что необходимо для символизациіи идеи, отъ того, что можно почитать только за прибавочную обстановку и что слѣдовательно имѣетъ только второстепенное, служебное назначеніе.

в) Болѣе относительно этого различія смотри у Бэра 1, стр. 29. 47.

г) Бэръ въ своемъ ученѣмъ изслѣдованіи о пониманіи символизма у древнихъ (Symb. 1, стр. 28) опустилъ изъ виду этотъ моментъ, въ которомъ однакожъ лежитъ ключъ къ пониманію символовъ Моисеева культа, и кромѣ того понялъ этотъ культъ слишкомъ односторонне, только какъ воспитательное средство для грубаго народа и такимъ образомъ не только пришелъ къ совершенно ошибочному положенію, что «законъ совсѣмъ терялъ бы характеръ воспитательнаго средства, если бы законодатель не прибавилъ обстоятельнаго объясненія и раскрытія для каждой отдѣльной заповѣди (стр. 31)» — но и былъ вынужденъ признать правдоподобнымъ, что устное наставленіе, развившееся путемъ традиціи въ видѣ іудейской каббалы, было прибавлено къ писанному закону Моисеемъ.

§ 16. *Отношеніе Моисеева культа къ языческимъ культамъ древности.*

Такъ какъ Моисеевъ культъ содержитъ много учреждений и обрядовъ, аналогичныхъ и родственныхъ языческимъ культамъ древнихъ народовъ; то мы должны еще войти въ разсмотрѣніе вопроса, что было общаго между Мозаизмомъ и паганизмомъ, такъ какъ это разграниченіе можетъ имѣть существенное вліяніе не только на правильное сужденіе о Моисеевомъ культѣ вообще, но и на вѣрное пониманіе его отдѣльныхъ формъ и обрядовъ, — тѣмъ

болѣе что объ этомъ вопросѣ еще не установлено опредѣленное рѣшеніе.

1. Древнее ортодоксальное богословіе объясняло Моисеевы учрежденія, какъ вполнѣ оригинальныя и открытыя Богомъ чрезъ Моисея, а подобныя или сродныя языческія формы культа почитало подражаніемъ божественному откровенію и заимствованіемъ изъ книгъ Моисея ¹⁾. Но этотъ взглядъ слишкомъ идетъ въ разрѣзъ съ исторіею, чтобы его можно было придерживаться. Если нѣкоторые изъ древнихъ языческихъ культовъ, несомнѣнно болѣе древнихъ, чѣмъ культъ Моисеевъ, существовали совершенно независимо отъ Моисеева, то нѣтъ никакого права почитать ихъ заимствованіями, подражаніями и копированіями.

¹⁾ Главнымъ виновникомъ этого взгляда былъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, который хотѣлъ поднять свою націю въ глазахъ Грековъ и Римлянъ, утверждая, что изъ писаній Моисея всѣ мудрецы древности черпали свое ученіе и законы. Подробнѣе этотъ взглядъ развивали, съ одной стороны основываясь на догматической почвѣ, что первоисточникъ языческаго идолослуженія діаволъ, стараясь подражать Богу—*Simia Dei*, внушилъ язычникамъ заимствовать Моисеево богослуженіе, каковое заимствованіе и подражаніе обозначалось выраженіемъ *κακοζήλια*,—съ другой стороны этотъ взглядъ былъ доказываемъ учеными историко-филологическими доводами, въ первый разъ въ 17 столѣтіи С. Герг. Воссіемъ, въ сочиненіи: *de theologia gentili s. de origine ac progressu idololatriae* кн. IX, 1641 стр. и С. М. Дилгерромъ, въ сочиненіи *de κακοζήλια gentilium* и потомъ, съ не всегда счастливымъ остроуміемъ, Сам. Бохартомъ въ его сочиненіяхъ. До совершенной пошлости доведенъ этотъ взглядъ французскимъ епископомъ Дан. Гюртомъ въ его «*demonstratio evangelica, pars 1. prop. IV. cap. 3 sgg.* гдѣ можно читать доказательства на то, что *universa propemodum Ethniconum theologia ex Mose Mosisve actis aut scriptis*, что Таавтъ Финикіянъ, Адонисъ Сиріянъ, Озирисъ, Аписъ и Мневисъ, Сераписъ и Горусъ и Анубисъ Египтянъ, Зороастръ Персовъ, Аполлонъ, Панъ, Пріапъ, Эскулапъ, Бадмъ, Данай,

Бекропсъ, Миносъ и Персей Грековъ, коротко: все боги и герои язычников—даже Индійцевъ, Германцевъ, Галловъ, Британцевъ и Американцевъ—безъ исключенія—были однимъ индивидуумомъ, обоимъ египетскимъ Мойсеемъ. Объ этомъ даетъ мѣткое сужденіе Фр. В. Йос. Шеллингъ (Einleit. in d. Philos. der Mythologie 1856, стр. 86): «Эти толкованія могутъ быть упоминаемы при случаѣ, только какъ *sententiae dudum explosae*, чтобы ихъ кто либо не вздумалъ возсгнать и пустить въ свѣтъ, наряду съ другими, какъ новыя».

II. Болѣе одобренія нашелъ,—а частію еще теперь находитъ, другой взглядъ, что общее въ Моисеевомъ и языческихъ культахъ идетъ изъ язычества, такимъ образомъ, что или оно было принято самимъ Богомъ въ Моисеевъ культъ, по Его спиходительной любви къ духовной слабости израильскаго народа, но такъ поставлено, что приводило къ монотеизму и устраняло многобожіе²⁾,—или что оно служило первоначально общею языческою основою и почвою, изъ которой, чрезъ божественное ли откровеніе или чрезъ постепенное развитіе человѣческаго духа, выродился монотеизмъ въ свѣтъ чистаго богопознанія³⁾. Но въ *первомъ* случаѣ этотъ взглядъ выходилъ изъ ошибочнаго представленія, что формы культа и обряды не стоятъ въ какомъ либо внутреннемъ отношеніи къ сущности религіи, не представляютъ выраженія и отпечатка духовныхъ религіозныхъ идей, но служатъ только внѣшнимъ средствомъ, которымъ еще не способный къ принятію чисто духовной истины народъ долженъ былъ предохраняться отъ притягательной силы чувственнаго идолослуженія и руководиться къ почитанію *единого* Бога. Но для этой цѣли такое средство было бы выбрано крайне несообразно и безтактно. Нужно допустить одно изъ двухъ: а) что заимствованныя отъ языческихъ идолослужебныхъ культовъ формы не имѣли въ себѣ никакого религіознаго значенія; въ такомъ случаѣ онѣ никогда не могли бы возбудить потребности почитанія и истиннаго Бога, а только укрѣпляли бы народъ въ его чувственности и подавляли способ-